

ИДЕЯ ЦИКЛИЗМА В ЭПИСТЕМОЛОГИИ ИСТОРИИ

IDEA OF CYCLISM IN EPISTEMOLOGY OF HISTORY

В статье рассматривается циклизм как принцип понимания истории. Анализируются исторические формы этого принципа и дается их оценка.

Ключевые слова: циклизм, прогресс, космоцентризм, эпистемология, провиденциализм, натурализм.

The article considers cyclism as a principle of understanding history. Historic forms of this principle are analyzed and their assessment is given herein.

Keywords: cyclism, progress, cosmocentrism, epistemology, providentialism, naturalism.

Идея циклов, циклизм, является одним из принципов социально-исторического познания, ведущим свое начало с незапамятных времен. Можно даже утверждать, что циклизм был первой попыткой человека понять окружающую его природу, космос, жизнь, историческую в том числе. Люди наблюдали периодичность смены времен года, их вечное повторение, цикл лунных фаз, определенную регулярность солнечных и лунных затмений, жизненные циклы человека (рождение – смерть) и т.д. Неудивительно, что во многих мифах древних народов повествуется о воскресающих и умирающих богах, периодических катастрофах и возрождениях мира.

Античные греки само время понимали циклично. Оно ассоциировалось у них не с последовательностью и необратимостью, а с одновременностью и повторяемостью.

М.Л. Гаспаров отмечал: «Греки представляли себе время движущимся на одном месте – как звездный небосвод, который вращается над миром одинаково и неизменно как за тысячу лет до нас, так и через тысячу лет после нас... Греки не вели летоисчисления по олимпиадам, они не вели вообще никакого летоисчисления. Годы в их сознании были не нанизаны на тянущуюся нить, а как бы рассыпаны пестрой неподвижной россыпью» [2, с. 36].

¹ Кандидат философских наук, профессор, ведущий кафедрой философии НОУ ВПО «Российский новый университет».

Античный тип философствования, как известно, называют космоцентризмом. «Космос» – главное понятие античного мышления и мировоззрения. По представлениям греков, космос вечен и неизменен, он всегда молод, «не старится». Движения космоса в высшей степени целесообразны: он постоянно возвращается к своему первоначальному состоянию, двигаясь по окружности, что недоступно смертным людям, судьбы которых определяются космическими силами.

Гераклит (ок. 520 – ок. 460) говорил о космосе, периодически гибнущем и возрождающемся в мировом огне: «Мир, который всё заключает в себе... не создал никто ни из богов, ни из людей, но он всегда был, есть и будет вечно живым огнем, мерами вспыхивающим и мерами угасающим» [5, с. 289].

Вслед за Гераклитом, стоики полагали, что «в космосе время от времени (по одной версии, через каждые 18 000, по другой через 10 800 лет) происходит всеобщее воспламенение (ekpyrosis). За воспламенением, или мировым пожаром, с необходимостью следует “период влаги”, в который вызревают, а точнее благодаря которой сохраняются “семена” (“логосы”) всего существующего. Из этих семян в положенный срок вырастает новый космос, в точности похожий на сгоревший. Именно в точности, всеми своими деталями, мелочами и подробностями вплоть до отдельных личностей и индивидуальных судеб. Как утверждал Зенон из Китиона, после миро-

вого пожара люди воскреснут в своем прежнем виде и все повторится сначала: Анит и Мелет будут опять обвинять Сократа,.. а Геркулес совершать свои подвиги» [3].

У Платона понимание истории тоже было в целом космологическим. Он повествует о божественно правильном и попятном круговращении космоса [7, с. 18, 23], о периодических мировых катастрофах (потопов, пожарах и т.п.) [8, с. 426, 427, 505].

Аналогичные представления свойственны и Аристотелю. Вместе с тем, Платон и Аристотель наметили картину исторических циклов эволюции форм государственного правления античного полиса.

Идея круговорота в собственно исторической науке встречается лишь у Полибия [9], где он рисует картину эволюции шести форм государственного устройства (царская власть – тирания – аристократия – олигархия – демократия – охлократия, а далее – всё сначала).

Итак, как было сказано, круговое движение космоса, циклическая ритмика окружающей природы наталкивала греков на мысль о таких же круговоротах исторической жизни. Моделью истории для них служила природа, на примате которой строилась философия истории. Но отсюда не следует отсутствие всякого историзма в Античности, как иногда думают. Мы согласны с А.Ф. Лосевым, который писал: «Ведь это вечное и правильное движение небесного свода является только предельным обобщением всякой внутрикосмической, а в том числе и человеческой, жизни. Человеческую жизнь, и внешнюю и внутреннюю, ничто не мешало в те времена рассматривать и самостоятельно, отдельно... Поэтому, – заключает Лосев, – из астрономического характера классической философии истории ни в каком случае невозможно делать того вывода, что здесь не было ровно никакого чувства историзма. Этот историзм в своей основе действительно был астрономический. Но в реальном развертывании он обладал всеми чертами человеческой борьбы, неустанных человеческих исканий, постоянных подъемов и падений, постоянного драматизма, а часто даже и самого подлинного трагизма» [6, с. 201–202].

Разумеется, в Античности не было историзма в смысле понимания уникальности, неповторимости моментов жизни, истории. В конечном итоге все возвращается к самому себе и ничего нового не возникает.

Однако у древних авторов есть идеи исторического прогресса и регресса. Например, Гесиод говорил о пяти веках человеческой истории (золотом, серебряном, медном, героическом и

железном), где последующий был хуже предыдущего. У Ксенофана, Демокрита, Эпикура и др. присутствует учение о прогрессивном развитии людей.

Греки пытались также дать периодизацию истории известных им обществ древности. У них появилась концепция «четырёх мировых монархий», сменяющих друг друга. По мнению известного исследователя Ю.И. Семёнова, эта последовательность у Ктесия (V–IV вв. до н.э.) выглядела так: Ассирия – Мидия – Персия. Затем к ним прибавилась Македония.

«Ко II в. до н.э., – пишет Ю.И. Семёнов, – концепция четырёх монархий получила широкое распространение. В частности, она нашла свое выражение в библейской книге пророка Даниила, которая была создана между 168 и 165 гг. до н.э., в разгар борьбы иудеев против Антиоха IV. В книге Даниила говорится о четырех монархиях (под которыми, по-видимому, понимались Халдейское, Мидийское, Персидское и Греко-Македонское царства) и идущей на смену державе Селевкидов пятой монархии. В такой форме автор выражал свою надежду на победу восстания под руководством Иуды Маккавея. Во II в. до н.э. концепция четырёх монархий проникает в Рим. В представлениях римлян их государство выступает как истинный преемник и наследник четырёх мировых держав: Ассирии, Мидии, Персии и Македонии. Но если вначале данная концепция использовалась для апологетики Рима, то в последующем в ней начали находить выражение и оппозиционные Риму настроения. Рим стал в них выступать как четвертая монархия, на смену которой должна прийти пятая – с Востока» [11, с. 102].

Однако следует заметить, что хотя в схеме четырёх «мировых монархий» эпохи следовали одна за другой, каждая из них проходила одни и те же стадии: становление, расцвет, упадок и гибель – и круг замыкался. Эпохи не соединялись между собой продолжающейся историей: каждая приходила к концу, следующая начиналась с начала.

Итак, античная философия истории в целом была циклична, натуралистична. В ней преобладали провиденциализм и фатализм. Вместе с тем, античные мыслители имели представление об эволюции человеческого рода, высказывали идеи своеобразного историзма, интуитивно допускали, что непосредственными причинами исторических событий являются мотивы, цели, переживания людей.

Циклизм можно обнаружить и в христианской философии истории. В самом деле, «конец

света» понимается как возвращение к Богу, в исходное, так сказать, состояние. Астрология со своими астрологическими циклами также несла идеи циклизма.

Идея циклизма присуща и более поздним этапам развития философии истории. Ее, например, придерживался Дж. Вико (1668–1744). Он полагал, что все народы в своем развитии проходят три исторических этапа: 1) «Век богов», когда люди думали, что ими непосредственно правят боги; 2) «Век героев» – время правления аристократии; 3) «Век людей», когда происходит понимание того, что все люди равны по своей природе. История как наука, по мнению Вико, должна быть доказательством «исторического факта Провидения, потому что она должна быть Историей того Порядка, который был дан совершенно незаметно для людей и часто вопреки их собственным предположениям великому Граду Рода Человеческого; ведь даже если этот Мир и был создан во времени и по частям, то Порядок, в нем заложенный, всеобщ и вечен» [1, с. 115].

Традицию циклического видения истории в XIX в. продолжил Н.Я. Данилевский (1822–1885). В его концепции культурно-исторические типы, подобно живым организмам, нарождаются, стареют, дряхлеют и умирают [4, с. 74].

Отношения между культурно-историческими типами носят, по сути, силовой характер. Они насквозь пронизаны логикой взаимного вытеснения, борьбы, коренной, идущей из глубины веков розни.

Данилевский писал: «Око за око, зуб за зуб, строгое право, бентамовский принцип утилитарности, то есть здраво понятой пользы, вот закон внешней политики, закон отношений государства к государству. Тут нет места закону любви и самопожертвования» [4, с. 34].

Столкновения народов, считал русский мыслитель, не менее необходимы, чем бури и грозы в природе. Сильные и энергичные культурно-исторические типы выступают в качестве «бичей Божьих», предающих смерти дряхлые, агонизирующие культурно-исторические типы. Ни одна цивилизация (культурно-исторический тип) не может претендовать на выработку окончательных форм человеческого общежития. Европейская, германо-романская, цивилизация так же ограничена, как и все остальные. Но каждая из цивилизаций велика в чем-то одном, самобытно своим в том, что касается ее исторической судьбы, ее духовного начала, ее идеи. Искусство, развитие идеи прекрасного – отличительный плод греческой цивилизации; право и политическая организация – результат римской цивилизации;

еврейская цивилизация, по Данилевскому, отличилась в истории выдвиганием и наиболее полным развитием «идеи единого истинного Бога»; германо-романской цивилизации по праву принадлежит заслуга развития положительной науки о природе. Славянская же цивилизация с Россией во главе, считал Данилевский, еще только разворачивается, набирает исторический разгон. Но цель или будущий синтетический плод ее обозначился достаточно определенно – справедливое устройство общественно-экономической жизни людей.

В XX в. циклизм чаще всего связывают с концепциями О. Шпенглера и А. Тойнби.

Шпенглер, понимая культуры как «большие индивидуумы», утверждал, что они проходят стадии (переживают возрасты) детства, юности, возмужания и старости, развития, расцвета и увядания. Необходимым завершением, концом любой культуры является цивилизация. Как неизбежная «судьба культуры» цивилизация – это победа, или гегемония, искусственного, механического над естественным, органическим, внешнего над внутренним; города – над деревней, интеллекта – над душой, космополитизма – над любовью к отечеству, научной аргументации – над религией сердца, философии фактов – над метафизически спекулятивной мыслью и т.д.

Согласно Шпенглеру, переход от культуры к цивилизации Античность совершила в IV в. до н.э., Запад же вступил в него в XIX в. Внутренняя смерть античного мира произошла в римскую эпоху, для Западного мира она наступит около 2000 г. [15, с. 372].

У каждой культуры есть свое мироощущение, страсти, желания и надежды; она доступна и понятна лишь тому, кто душой принадлежит этой культуре. Вживание, наблюдение, сравнение, непосредственная внутренняя уверенность, точная чувственная фантазия – таковы, по Шпенглеру, основные средства исторического исследования, исследования культур и их индивидуальных судеб.

У Тойнби также помимо провиденциализма явно присутствует идея циклизма. Все цивилизации, согласно английскому историку, имеют одинаковую схему развития, одинаковые фазы, ступени, подобно живому организму: рождение, рост, надлом и распад (разложение). На месте распавшихся возникают новые цивилизации (иногда качественно отличные от предыдущей) – и цикл повторяется.

Цивилизации возникают как «ответ» людей на так называемые вызовы. Вызов может быть со стороны природно-географической среды или

со стороны соседей: «Первые вызовы, которые можно зафиксировать в человеческой истории, были сделаны дельтами рек Нила, Иордана, Тигра и Евфрата, Инда с его некогда существовавшим параллельным руслом. Реки эти пересекают маловодные степи, такие, как засушливая Афразийская степь. В нильской долине ответом стал генезис египетской цивилизации, в долине Тигра и Евфрата – шумерской, в долине Инда и его бывшего притока – так называемой индской культуры» [12, с. 113].

Согласно Тойнби, генезис цивилизации нельзя объяснить ни расовым фактором, ни географической средой. Цивилизация развивается, когда внешняя среда не является ни слишком благоприятной, ни слишком неблагоприятной и в обществе имеется «творческое меньшинство», способное повести за собой остальных людей. Более того, Тойнби утверждал, что «благоприятные условия враждебны цивилизации, и... чем благоприятнее окружение, тем слабее стимул для зарождения цивилизации» [13, с. 104].

Интересно отметить, что в дальнейшем развитии цивилизаций Тойнби не упоминает географического фактора, который выпадает из логики его рассуждений, а все развитие цивилизаций объясняется лишь изменениями человеческой среды. Рост цивилизации состоит в прогрессивном внутреннем ее самоопределении или самовыражении, в переходе от более грубой к более тонкой религии и культуре. Рост цивилизаций осуществляется при помощи творческих личностей, «творческого меньшинства», но за их спинами стоит Божественное провидение. Когда «нетворческое большинство» перестает следовать, подражать «творческому меньшинству», наступает период надлома цивилизации, тогда меньшинство для сохранения своей власти может прибегать к силе, к насилию. Последнее оборачивается расколом общества и ведет к падению и гибели цивилизации.

Между тем, согласно Тойнби, не все цивилизации обязательно проходят полный цикл развития: «Цивилизации, чьими историями на сегодня мы располагаем, суть объективные реальности, все из которых прошли стадию становления; большинство достигло также расцвета через разное время и в разной степени; некоторые испытали надлом; а немногие претерпели и процесс дезинтеграции, завершившийся окончательной гибелью» [14, с. 283].

Тойнби выступал против «гипотезы предопределения» хода человеческой истории. Он писал: «Я действительно верю, что многие иссле-

дователи человеческой истории, и я среди них, выявили истинные регулярности и повторения в конфигурации событий прошлого, но я не верю ни в то, что эти регулярности непременно должны были установиться именно тогда, когда они действительно установились, ни в то, что они обязаны повториться в будущем» [14, с. 239].

Однако циклические концепции исторического развития больше интересовали философов, чем историков. Вместе с тем, как отмечают И.М. Савельева и А.В. Полетаев, «...со второй половины XIX в. циклические модели начинают использоваться в работах по экономической истории, но в довольно ограниченных масштабах. Однако экономический кризис 1930-х годов привлек внимание не только к собственно кризисам, но и к экономическим циклам. В это же время начинаются эксперименты с циклами разной продолжительности, а также предпринимаются попытки связать экономические циклы с социальными и политическими процессами» [10, с. 313].

Например, были попытки применить 50-летние циклы (так называемые циклы Кондратьева) для анализа различных исторических феноменов. Следовательно, идея цикличности еще не потеряла своей эвристической ценности и в современную эпоху.

Литература

1. Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. – Л. : Гослитиздат, 1940.
2. Гаспаров М.Л. Занимательная Греция. – М., 1995.
3. Гречко П.К. Концептуальные модели истории. – М. : Логос, 1995 // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Grech/02.php
4. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М. : Книга, 1991.
5. Досократики. Доэлеатовский и элеатовский периоды. – Мн. : Харвест, 1999.
6. Лосев А.Ф. Античная философия истории. – М. : Наука, 1977.
7. Платон. Собр. соч. : в 4 т. – М. : Мысль, 1994. – Т. 4.
8. Платон. Собр. соч. : в 4 т. – М. : Мысль, 1994. – Т. 3.
9. Полибий. Всеобщая история [Электронный ресурс]. – http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Polib/06.php
10. Савельева И.М., Полетаев А.В. Теория исторического знания. – СПб. : Алетейя; М. : ГУ ВШЭ, 2008.

11. Семёнов Ю.И. Философия истории : общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней / Ю.И. Семёнов. – М. : Современные тетради, 2003.

12. Тойнби А.Дж. Постижение истории. – М. : Прогресс, 1991.

13. Тойнби А. Постижение истории / пер. с англ. Е.Д. Жаркова. – М., 1996.

14. Toynbee, A.J. A Study of History. Reconsiderations. – L. : Oxford Univ. Press, 1961. – Vol. XII. – S. 283.

15. Шпенглер О. Закат Европы. Образ и действительность. – М., П. : Изд. А.Д. Френкель, 1923. – Т. 1.